

Возвращение советской литературы

Она начала возвращаться уже в прошлом году, но окончательно и триумфально заявится в этом. Началось, понятное дело, с высоких образцов — Окуджавы и Трифонова, Булгакова и Платонова, Аксенова и Рыбакова.

Между прочим, это все она, то есть русская литература советского периода; время уравнило печатную продукцию с непечатной — запрещенные авторы утратили ореол непризнанности и тайны, оказавшись в школьной программе. В этом году наверняка вернутся и другие выдающиеся советские авторы — мне уже приходилось писать о новой вспышке интереса к Стругацким; реанимирован Юлиан Семенов, чья биография работы дочери стала одним из бестселлеров года; в серии «У камина» переиздана диалогия Фриды Вигдоровой о трудах и днях советской интеллигенции... Превосходно продается «Избранное» Чингиза Айтматова — новый роман плюс три старых повести. А знаете, кто возглавляет список мужских бестселлеров «Озона»? Я сначала глазам не поверил — Владимир Санин! Да-да, тот самый, 1928 — 1989, автор остросюжетных повестей об освоении Антарктиды. Хорошо помню, как в 70-е журнал «Знамя» с его новой повестью затирался в библиотеках до дыр, а высоколбые критики морщили свои высокие лбы. Они морщились, а вот АСТ издает, и как расходуется! Подождите, вернется и Олег Куваев с «Территорией» — тема золотодобычи не устареет; и Валерий Поволяев с таежной романтикой, и покойный Михаил Чулаки с буднями психиатров... Подозреваю, что очередные переиздания Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Георгия Мокеича Маркова и других бесчисленных соцреалистов, ваявших многотомные, многотонные саги об установлении советской власти в Сибири, будут расходиться как пироги. Тут ведь что интересно? У всякой литературы, плохой ли, хорошей, бывает два пика продаж. Первый — когда она свежая и с ней ничего еще непонятно: берут, чтобы распробовать. А второй — когда она уже дряхлая, то есть окончательно превратилась в памятник эпохи. Тогда даже трамвайный билет древнейших времен получает некоторую ценность.

Советская литература перестала быть актуальной, но возвращается как памятник. В конце советского периода на многие ее образцы нельзя было смотреть без отвращения, но ведь и литература Серебряного века — какие-нибудь «Крылья» Кузмина — вызывала омерзение у современников. А наше поколение читало взахлеб, наслаждаясь пряной экзотикой. Потому что ценность этой литературы была уже не столько эстетическая, сколько музейная. Возвращение советской литературы связано с тем, что от Советского Союза действительно ничего больше не осталось. Этого-то и не учли ее могильщики. Больше того, к закату клонится вся русская цивилизация, в которой слово играло великую роль, а из-за принципов стрелялись. Мы вступили в другой, сугубо материальный, сырьевой период, в котором великие абстракции уже почти ничего не значат. И какой-нибудь Семен Бабаевский из заурядного лакировщика действительности вырастает в титаническую каменную бабу, в тмутараканское идолице. Какие художественные достоинства у каменной бабы? Ровно никаких. А историческая ценность — побольше, чем у Венеры Милосской: от греков много чего осталось и помимо Венеры, а от Тмутаракани — только идолице.

Это первая причина. Посмотрите, как расходятся сегодня собрания сочинений И. Бабеля («Время»), П. Романова («Эксмо») и Б. Пильняка («Терра»), как улетела «Игра в любовь» Льва Гумилевского, которую современники (1926) провозгласили махровой пошлятиной! Погодите, в этом году доживем до новой волны интереса к Всеволоду Иванову, к Леониду Леонову (биографию которого для ЖЗЛ пишет сверхактуальный нацбол Захар Прилепин), к Катаеву, Симонову, да и к Панферову — он читается легче, чем зрелый Сорокин. Жить в хрущобе трудно, но посещать ее как дом-музей — милое дело.

Есть, впрочем, и другая причина: дело в том, что надо снимать сериалы. Литературная основа сериала должна быть крепкая, внятная, со страстями. Сегодня так писать почти не умеют, да и эпоха, честно говоря, еще не оформилась. Ведь для сериала что главное? Эта плесень не на всякой культуре взойдет. Надо, чтобы эпоха была уже достаточно мертвой. 2005 год ознаменовался бурным освоением Сталина и его эпохи; в 2006-м это продолжилось, но стали ностальгировать уже по Брежневу... Советское только теперь становится объектом бесстрастного эстетического анализа: нас уже не интересует, хорошо было или плохо. Оценивать ведь надо исходя из того, как МОЖЕТ быть. Кое-что они там в своих 30 — 50-х умели. Роман Петра Павленко «Счастье», может быть, не выдерживает никакого сравнения с прозой того же Леонова, но в нем, по крайней мере, есть начало, конец и середина. Николай Шпанов был отъявленный штатофоб и европоненавистник, но о

строительстве сюжета и выдумывании героя имел какое-никакое представление. Весь советский мейнстрим — от худших образцов вроде производственных романов Н. Зиновьева до лучших вроде прозы А. Крона и И. Грековой — был подчинен единым формальным законам: это проза внятная. Вся она контактировала с реальностью — и реальность в ней осталась. Даже худольнейшие фильмы вроде «Нашего дома» сохранили живые черты эпохи. Это же касается и литературы — по точному выражению Нонны Мордюковой, профессионализм нужен только для того, чтобы сплести крепкую сюжетную сеть. Чем она крепче, тем больше живой жизни в ней барахтается. И потому сегодня даже производственные романы 50-х читаются восхитительно: «Битва в пути» вполне может быть заново экранизирована в ближайшее время — уже в сериальном формате — и с большим успехом. Первым эту тенденцию, как почти всегда, уловил человек с истинно звериной интуицией — Станислав Говорухин, чей фильм «Не хлебом единым» вернул читателю старую книгу Дудинцева. Вся ее проблематика давно и многократно устарела, а вот герои живы, и жизнь их увлекательна.

Есть, впрочем, третья, и самая грустная, причина нашего неизбежного возвращения к советской литературе или ее возвращения к нам. Мы не так богаты, как кажется. Не Англия, чай, и даже не Испания. Весь наш литературный запас — XIX век и начало XX (Фонвизин — и тот тяжеловат для нынешнего читателя). Из этой коробочки высосаны уже все соки: еще Набоков говорил, что золотых страниц в русской классике наберется на томик средней толщины. Не такие мы магнаты, чтобы разбрасываться романами вроде этих: «Города и годы», «Необыкновенное лето», «Балтийское небо», «Время, вперед», «День второй», «Похождения факира», «У», «Скандалист», «Средний проспект», «Последний из удэге», «Капитальный ремонт», «Открытие мира», «Чернозем», «Районные будни», «Товарищи по оружию», «Расплата», «Ночь после выпуска», и даже «Жатва», и даже «Клятва»... Тут намеренно перемешаны почвеннические и западнические, хорошие и средние, знаменитые и забытые книги: их объединяет общая принадлежность к материку советской литературы, литература эта длилась без малого век, и отказываться от нее просто потому, что кончилась эпоха, мы никак не в праве. Мы и так слишком многое забыли, а ведь эта литература сохраняет не только историческую, но и эстетическую ценность. Я могу любить или не любить взгляды и стилистику Федина, Фадеева, раннего Бондарева, могу соглашаться или не соглашаться с Тендряковым или Овечкиным, но отказаться от них не могу. Настало время осмысливать эту прозу, так же как советское литературоведение осмысливало в 30 — 40-е навеки, казалось бы, ушедшую Россию Раскольников и Огудаловой, Ростовых и Кручининой, Базарова и Рахметова... Больше нам читать особо нечего — ни могильщики советской литературы, ни новые детективщицы, ни даже юные реалистки вроде Денежкиной так и не создали ничего сопоставимого.

И потому я уверенно предсказываю многотысячные тиражи советских писателей второго и третьего ряда. Сериалы по «Буре» и «Падению Парижа», по «Тишине» или «Живым и мертвым», по прозе Георгиевской и Бруштейн... Я предрекаю даже возвращение такой откровенной халтуры, как «Белая береза» или «Иду к вам, люди». Стала же «Тля» при переиздании мегабестселлером, затмившим всю современную словесность! А почему? А потому, что душа вложена. Даром что эта душа имеет цвет и запах совершенно недвусмысленный.

...Есть и еще одна, тоже важная причина. Но ее я приберегаю под конец, потому что сам не очень хочу в это верить.

Мне кажется, что Россия после всех пертурбаций, после всех прошедших по ее лицу цивилизаций, религиозных реформаций и социальных революций возвращается более или менее в одно и то же состояние. В состояние уютного туповатого полусна, в котором и написана вся литература от поздних 20-х до 40-го, от поздних 60-х до ранних 80-х.

По-моему, сейчас она опять в него впала.

Самое время для снов о «Тишине», «Судьбе» и «Счастье».

Автор: Дмитрий Быков © Огонек КУЛЬТУРА, МИР 5952 12.01.2007, 12:07 286

URL: <https://babr24.com/?ADE=35241> Bytes: 8569 / 8569 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Быков.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)